

Девочка со шрамами. Истории, которые помогают жить

Автор:

[Ника Набокова](#)

Девочка со шрамами. Истории, которые помогают жить

Ника Набокова

#Psychology#KnowHow

Я не раз замечала, что мы как будто немного лечимся чужими историями. Наблюдая за тем, как другие люди переживают какие-то вещи, мы пересматриваем свой опыт, свой подход, мы чувствуем себя немного увереннее, и растерянность, страх, беспомощность перед лицом какого-то испытания отступают. Ведь... если смогла она, смогу и я.

Знаю, читать эту книгу будет не всегда просто. Возможно, тебе захочется вообще не знать, что с людьми такое случается.

Но, увы, шрамы – часть нашей жизни. Закрывать глаза на них = прятаться от реальности.

Я очень надеюсь, что кому-то станет легче, проще, понятнее жить и справляться со своей ситуацией. Опыт героинь чем-то тебя поддержит, поможет что-то понять, развернет какой-то твой личный опыт совсем другой стороной и укажет путь.

Ника Набокова

Девочка со шрамами

Истории, которые помогают жить

* * *

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Набокова Н., 2022

© Блинова К., фото, 2022

© Горбунова К., фото, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Посвящение

Я посвящаю эту книгу тебе.

Тебе, моя хорошая.

Тебе, моя красивая.

Тебе, моя чудесная.

Тебе, моя сильная.

Тебе, моя слабая.

Тебе, моя девочка со шрамами.

Вступление

Как жить после...

Дальше каждый может подставить свой собственный страх. У кого-то это будет развод, у кого-то – смерть близкого человека, у кого-то – насилие, у кого-то – утрата свободы, у кого-то – болезнь, у кого-то – потеря ребенка.

Я не раз замечала, что мы как будто немного лечимся чужими историями. Наблюдая за тем, как другие люди переживают какие-то вещи, мы пересматриваем свой опыт, свой подход, мы чувствуем себя немного увереннее, и растерянность, страх, беспомощность перед лицом какого-то испытания отступают. Ведь... если смогла она, смогу и я.

Героини этой книги – мои подруги. Они согласились вынести свои истории на публику, чтобы кому-то после их прочтения стало легче, проще, понятнее жить и справляться со своей ситуацией. Их опыт – непростой, местами очень пугающий, но... как мне кажется, – вдохновляющий.

Я надеюсь, что знакомство с этими классными девчонками чем-то тебя поддержит, поможет что-то понять, развернет какой-то твой личный опыт совсем другой стороной и укажет путь.

Ну а последняя глава посвящена одному из моих шрамов. Думаю, после нее мы с тобой станем ближе.

Глава 1

Июлина

Дребезжащая серая «буханка» («буханка» – это машина, по форме похожая на буханку хлеба) остановилась у ворот школы. Подождав несколько минут, рассерженный водитель двинулся было в сторону будки сторожа, но тот уже сам семенил навстречу, наскоро натягивая куртку.

– Эй, ты тут не проедешь! Ехайте вон прямо к коттеджу. Обогнешь забор, за ним налево, там заезд.

– Так крюк же! Жалко тебе пропустить, что ль?

– Жалко, не жалко, а дороги нет! Все, бывай. Некогда мне тут с каждым.

Ругнувшись, водитель вернулся в машину.

– Вить, ты уж прости за хлопоты эти. Мы, давай, может, сами дойдем? Что тут? Километр, не больше, – обратилась к нему пассажирка, молодая девушка, к которой прижималась девчушка лет шести.

– Да что ты, Сана, брось! Куда вы с котомками, вот еще, пойдете тут через заборы перелезть! Пять минут – и на месте. Бесит просто, что из вредности не пропустил.

Действительно, не прошло и пяти минут, как машина затормозила у симпатичного двухэтажного голубого дома. Выгрузив сумки, мама с дочкой двинулись к входу.

Я ужасно злюсь, когда сталкиваюсь с несправедливостью. Меня злит, что мир – такой. Только вот переделать его целиком и полностью у меня нет власти. Зато у меня есть возможность немного уравнивать плохое. Поэтому после каждой встречи с несправедливостью, неважно, касается она меня или кого-то другого, я делаю что-нибудь хорошее. Это помогает мне балансировать.

#ЗАМЕТКИНАПОЛЯХ

На пороге их встречала женщина с аккуратно убранными волосами и незаметным макияжем, формально приветливая, но при взгляде на нее у

девочки сжалось сердце и подумалось: «Она как волк!» Захотелось прижаться к маме, но почему-то малышка лишь хмуро, исподлобья, смотрела на новую знакомую.

– Здравствуйте! Пойдемте, я покажу вам, где можно расположиться.

Внутри коттедж выглядел очень ухоженно. Светлые стены, много комнатных растений, ковровин, хорошая мебель, чистота. Миновав просторный зал и уютную кухню, гости поднялись на второй этаж и, пройдя по коридору, оказались в жилой комнате.

– Располагайтесь. Я позже к вам вернусь, – сказала строгая незнакомка и ушла, аккуратно прикрыв дверь.

Мама засуетилась, стала открывать сумки, вытаскивать вещи, что-то рассказывать, раскладывая их по полкам встроенного шкафа.

– Ох, ничего себе, смотри-ка, ящик для вещей и прямо в кровати есть, как комод. Вот же ж!

А девочка замерла. Она стояла, затаив дыхание, понимая: происходит что-то невыносимо пугающее, что-то, чего она очень-очень не хочет, а сделать ничего не может. Это что-то надвигалось, словно огромная волна, возвышалось над ней, и казалось, вот-вот накроет с головой, проглотит, утащит куда-то в зловещую глубину.

– Юля, ну что ты как истукан? Вот платье домашнее.

Мама протягивала новое домашнее платьице. Белое с лиловыми цветами. Юля видела его еще до отъезда, радовалась, что купили новое, представляла, как будет в него наряжаться.

Как это... Платье домашнее, а место – чужое?

Паника внутри нарастала и сжимала горло холодной, мерзкой, костлявой рукой. Начал болеть живот. Хотелось плакать. И кричать. И умолять, чтобы мама не оставляла здесь, в этой странной комнате с тусклыми стенами.

Но нельзя. В их семье было не принято перечить, распускать нюни и рассказывать, что тебе не нравится, что беспокоит.

– Послушай меня, доченька. Ты теперь будешь жить здесь. Жить и учиться. Ты прошла отбор, это твой шанс. У тебя талант, и нужно его развивать. Многие дети и мечтать о таком не могут. Я буду приезжать. Веди себя хорошо. Ну все, пора, а то там дядя Витя же ждет, неудобно. Ты переоденься в домашнее-то, чего в уличном ходить...

Наскоро попрощавшись, потрепав по щеке и чмокнув в макушку, мама ушла. Ушла как-то скомканно, поспешно, суетливо.

А маленькая девочка осталась в чужой, холодной, красивой белой комнате. Одна. В шесть лет. Волна, которая до этого надвигалась, захлестнула, закрутила и безжалостно рвала на части.

* * *

Город Покровск – родной город Июлины (да, полное имя маленькой Юли – Июлина, но в детстве ее звали исключительно сокращенным вариантом) – место с длинной историей, тянущейся аж с 1682 года. Расположен он на берегу реки Лены, в 82 километрах от Якутска. Население чуть более 9000 человек, 4 школы, среди которых есть музыкальная и художественная. Жаркое, но короткое лето, и длинная, суровая зима, с температурой до ?50 градусов.

Из деятельности – несколько заводов, лесхоз, разведение серебристо-черных лисиц и соболей. Деревянные, типично деревенские дома соседствуют с современными панельными постройками, есть мемориалы и маленькая бело-голубая церковь.

Тут девочка родилась и росла до момента переезда.

Решение отдать Июлину в школу-интернат, за сотню километров от родного дома, принимала бабушка Настя. Негласная глава большой семьи. Властная, жесткая, она мечтала стать танцовщицей, и даже шанс выдался. Как-то в их деревню приехали сотрудники отдела культуры, устроили просмотр, в те времена это была обычная практика – ездить, выбирать дарования и предлагать

им обучение в большом городе. Настя понравилась, на нее обратили внимание и предложили поехать учиться в хореографическое училище.

Но ее мать, Июлинина прабабка, твердо сказала: «Никаких! Тут нужна, за малыши глядеть да по хозяйству помогать. Одна я без тебя не справлюсь!» Так мечту танцевать на большой сцене и быть артисткой пришлось похоронить. Ровно до тех пор, пока музыкальный руководитель из внучкиного детского сада не обронила: «У девочки вашей талант! Надо заниматься, надо развивать!»

Июлина действительно «жгла» чуть ли не с пеленок. В три годика она всю распевала «My heart will go on» на собственном варианте английского языка, к пяти уже могла наигрывать что-то на фортепиано и ярко светилась на всех детских утренниках. Музыка ей не просто нравилась, она в ней органично жила, существовала, словно рыба в воде. Но никакого особенного желания пахать, стремиться наверх, землю грызть, лишь бы вырасти большим артистом, у девочки не было. Хотелось просто гулять с корзинкой до магазина да петь в свое удовольствие.

Бабушкины же планы существенно отличались от детских желаний. И, узнав о наборе в высшую школу музыки, Настя тут же сказала дочери, Июлининой маме: «Без разговоров! Вези!»

И та послушалась, впрочем, как обычно. Материнское слово – закон. Не подумав ни о себе, ни о том, как она будет справляться с тем, что оставила дочь где-то, ни о Июлине.

Никто не спрашивал у малышки, хочет она туда или нет. Никто не обсудил с ней, как будет выглядеть новая жизнь, какие правила, какой сценарий. Никто не предупредил, что начинается другой этап. Никто толком не рассказал: зачем, ради чего, почему. И никого-никого не было рядом.

* * *

Первый год в интернате получился, как говорит сама Юлинка, «сложным». Как кажется мне, стороннему слушателю, – страшным.

«Воспитки» (то есть воспитательницы) не чурались ни публичных выговоров, ни физических наказаний. Били не сильно, но очень обидно, наблюдая, как ребенку больно, как он съёживается под их агрессией. Отчитывали и унижали за малейшую провинность. Как-то вся группа подверглась публичному допросу, с тычками, за исчезнувшую маленькую конфетку.

В один из дней маленькую Юлю решили отвести к зубному врачу. Где без анестезии удалили за раз восемь зубов. Почему так? Ну а что такого! Подумаешь! Молочные же, да и потерпеть всего ничего. Ну поорет да перестанет. Она несколько раз вырывалась, убегала, пыталась спрятаться в туалете, в каких-то подсобных комнатах, но ее находили и волоком тащили обратно.

Маме никто ничего не сказал. Воспитатели не посчитали нужным, а может, и испугались, осознав, что натворили. А Юлинка и сейчас не знает, почему решила не рассказывать.

У меня, конечно, есть предположение. Не было возможности прийти и сказать: «Мне плохо, со мной сделали ужасное, страшное сделали». Потому что мама – недоступная. Вроде есть, а вроде нет. Вроде своя, а вроде уже чужая. Кроме того, мама почему-то приняла решение увезти подальше от дома, и вдруг, если начать ей жаловаться, она вообще пропадет. Так хоть какие-то редкие визиты.

Вопреки устоявшемуся имиджу школ-интернатов с жесткими отношениями между детьми, в этом смысле можно сказать, что Юле повезло. Дедовщины, травли, «темных» у них не было. Конечно, присутствовал соревновательный момент, типа: кто лучше сдаст зачет по технике, ну и драки с тасканием друг друга за волосы тоже имели место, как и доля национализма. Не все дети говорили на якутском, и Юля в их числе, так как в ее поселке основным языком был русский. Большинство же воспитанниц интерната общались на якутском, из-за чего первое время девочку преследовало ощущение, что она – чужой среди своих. Но, смекнув, что к чему, Юля быстро освоила необходимый для разговора уровень языка, и стало полегче.

Говорят, что человек ко всему привыкает. Так случилось и с нашей героиней. После первого года Юля постепенно адаптировалась, обзавелась другом Егором и подружкой Соней. Сониная мама, Лариса Александровна, кстати, здорово поддерживала и принимала участие в жизни Юли. Она стала одной из тех женщин, которые в некотором смысле заменяли маму.

Второй такой опорой оказалась тетя Оксана. Она жила ближе, чем родители, и чаще навещала племянницу. Приходила на отчетные концерты, поддерживала.

Еще была преподаватель по фортепиано Ольга Ревовна. Она относилась к ученикам по-человечески и не просто следила за техникой, а являлась наставником, как музыкальным, так отчасти и жизненным.

В общем, время шло. Юля выросла, разбиралась с жизнью, целями, желаниями. Иногда приезжала «домой». Почему в кавычках? Потому что места в новом доме, куда семья переехала во время ее учебы, для девочки не нашлось. Не организовали ей комнату, какой-то собственный уголок. Едешь домой, а оказываешься в гостях. Да еще и с претензиями: сюда не ходи, туда не лезь, за младшими последи.

Ощущение дома чертовски важно для человека. И когда его нет, вся жизнь словно без опоры. Болтаешься космонавтом в холодном, пустом пространстве, зацепиться не за что. Неуютно. Тревожно.

Мама в интернат тоже приезжала редко. Поначалу раз в неделю, а потом визитов становилось все меньше, промежутки между ними все больше. Ее не интересовало, чем живет дочь, о чем мечтает, чего хочет. Жива-здорова? И хорошо. Дома – забот полон рот, какие уж эмоциональные близости да душевные разговоры.

Так прошли девять лет обучения. Можно было бы задержаться дольше, но случился конфликт с администрацией, директор настоятельно рекомендовала «на выход». Юля ненадолго вернулась в родной город, а потом поступила в колледж, после чего перебралась в Петербург, затем – в Москву. И начала постепенно, небольшими шагами строить музыкальную карьеру.

Широкая аудитория познакомилась с ней на Евровидении. Яркая голосистая девчонка с дредами из коллектива Манижи – это Июлина. Помимо работы в

группе, у нее собственный проект, в котором она и солист, и сонграйтер, и продюсер.

Уязвимость – это прекрасно. Показывая свою уязвимость, мы не выглядим слабыми или жалкими. Показывая свою уязвимость, мы позволяем себе настоящую близость. Мы позволяем людям увидеть нас. И это усиливает любовь во сто крат.

#ЗАМЕТКИНАПОЛЯХ

И все идет хорошо. Небыстро, непросто, но хорошо. Публика принимает, рядом оказываются классные люди, которые верят, которые любят. И даже боязнь стоматологов удалось победить. Есть гастроли, есть сцена, есть дружба, и есть огромное желание разобраться наконец-то с детством, которое откликается острой болью и глухим чувством одиночества.

Долгое время эпизоды, которыми Июлина решила поделиться со мной, были белыми пятнами. Воспоминания начали всплывать во время рождения одной из песен. Сперва пришли строчки, а вслед за ними картинки. Картинки, от которых хотелось плакать и бежать подальше. Бежать домой. Только вот дома нет.

Всплыл тот день в комнате с тусклым светом и тремя кроватями, всплыло это беспросветное одиночество, детская растерянность и много-много вопросов, обиды, злости.

Куда ты меня везешь?

Нам же было так хорошо.

Ты говорила, что любишь,

Но вот уже и снег пошел.

А я в белых стенах, крича в

Полотенце, останусь одна.

В меня закрылась дверца.

Мама песню слышала. Но сначала ничего не сказала. Сделала вид, что не про нее, не про них. А Июлина чувствовала, что нужно поговорить, есть потребность высказаться и услышать, задать вопросы и получить ответы, попробовать нащупать хоть какую-то ниточку между ней и мамой. Но не знала, как подступиться. Начинать подобные разговоры страшно.

Говорят, что рано или поздно момент наступает. Так случилось и в этой истории. В один день совпали: обострившееся в карантин ощущение одиночества, интервью известной актрисы с похожей проблемой и мамин звонок. Плотину прорвало.

Будет ложью сказать, что после этой беседы все вдруг изменилось и отношения стали ближе. Нет, пока это не так. И пройдет еще немало времени до того момента, когда дистанция между Июлиной и ее мамой сократится.

Но стало понятнее. Стало прозрачнее. Стало яснее. Стало объемнее.

А это уже очень-очень много. Именно от понятности и видимости позиции второй стороны нам становится легче. Мама рассказала, что в тот день, оставив Июлину в интернате, она долго плакала по дороге домой, и ей тоже было страшно, грустно. Рассказала, что чувствовала вину и дома, и приезжая навестить дочь. Рассказала, что разрывалась между авторитетным мнением бабушки Насти, которой не смела перечить, и ощущением себя плохой матерью, оставившей ребенка.

Благодаря этому разговору из бесчувственной предательницы мама превратилась в живого человека, со своими слабостями, сложностями, чувствами и переживаниями.

Невозможно прожить жизнь и не столкнуться с болью, с потерями, с разочарованиями. Это неизбежность. Можно научиться с ними справляться. Худо-бедно, но справляться. Бывает так, что после одного предательства, сильно ранившего нас, мы отказываемся от отношений с другими людьми во

избежание риска. Наряжаемся в доспехи и живем в них. Грустим, но ощущаем себя будто под защитой. Это, конечно, иллюзия. Самообман. От всех потрясений на свете защититься нельзя. Так и так придется переживать что-то неприятное. А вот хорошему, светлому, важному не дается даже шанса подойти к нам.

Плохая стратегия.

#ЗАМЕТКИНАПОЛЯХ

Июлина никогда не сможет ни забыть, ни смириться с тем, что ее вот так оставили когда-то, бросили в отдельную жизнь, словно щенка с лодки.

Нельзя просто взять и вычеркнуть такой объем неподъемных для ребенка переживаний. В какой-то части взрослой, успешной, классной и веселой девчонки всегда будет жить та маленькая, растерянная, брошенная девочка, ищущая маму в разных людях.

Но обходиться с этой данностью можно по-разному.

Июлина старается сделать так, чтобы история ее детства не была основополагающей в жизни. Многому приходится учиться с нуля: открываться, доверять, общаться, сближаться, прощать, отпускать. Она старается говорить про то, что случилось, выпускает это и ищет пути преодоления всей той боли и страха, одиночества, отвержения, что когда-то на нее навалились. И... получается. Появляются друзья, появляется доверие, появляется желание быть с кем-то, обустроить собственный дом. Это небыстрый путь, местами тернистый, но преодолимый.

В профессиональной зоне своей жизни Июлина абсолютно счастлива. Она яркая артистка, блестящая певица, классный композитор и текстовик, с ней хотят работать, ее хотят видеть, ее ждут на сцене. Она любит свое дело, и рада тому, что может делать его профессионально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://telnovel.com/nabokova_nika/devochka-so-shramami-istorii-kotorye-pomogayut-zhit

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)